

ТАНЬКА

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

Таньке стало холодно, и она проснулась.

Высвободив руку из попонки, в которую она неловко закуталась ночью, Танька вытянулась, глубоко вздохнула и опять сжалась. Но все-таки было холодно. Она подкатилась под самую "голову" печи и прижала к ней Ваську. Тот открыл глаза и взглянул так светло, как смотрят со сна только здоровые дети. Потом повернулся на бок и затих. Танька тоже стала задремывать. Но в избе стукнула дверь: мать, шурша, протаскивала из сенец охапку соломы

- Холодно, тетка? - спросил странник, лежа на конике.

- Нет, - ответила Марья, - туман. А собаки валяются, - беспрерывно к метели.

Она искала спичек и гремела ухватами. Странник спустил ноги с коника, зевал и обувался. В окна брезжил синеватый холодный свет утра, под лавкой шипел и крикал проснувшийся хромоу селезень. Теленок поднялся на слабые растопыренные ножки, судорожно вытянул хвост и так глупо и отрывисто мякнул, что странник засмеялся и сказал:

- Сиротка! Корову-то прогусарили?

- Продали.

- И лошади нету?

- Продали.

Танька раскрыла глаза.

Продажа лошади особенно врезалась ей в память "Когда еще картохи копали", в сухой, ветреный день, мать на поле полудновала, плакала и говорила, что ей "кусочек в горло не идет", и Танька все смотрела на ее горло, не понимая, о чем толк.

Потом в большой крепкой телеге с высоким передком приезжали "анчихристы" Оба они были похожи друг на дружку - черны, засалены, подпоясаны по кострецам. За ними пришел еще один, еще чернее, с палкой в руке, что-то громко кричал я, немного погодя, вывел со двора лошадь и побежал с нею по выгону, за ним бежал отец, и Танька думала, что он погнался отнимать лошадь, догнал и опять увел ее во двор. Мать стояла на пороге избы и голосила. Глядя на нее, заревел во все горло и Васька. Потом "черный" опять вывел со двора лошадь, привязал ее к телеге и рысью поехал под гору... И отец уже не погнался...

"Анихристы", лошадики-мещане, были, и правда, свирепы на вид, особенно последний - Талдыкин. Он пришел позднее, а до него два первые только цену сбивали. Они наперебой пытали лошадь, драли ей морду, били палками.

- Ну, - кричал один, - смотри сюда, получай с богом деньги!

- Не мои они, побереги, полцены брать не приходится, - уклончиво отвечал Корней.

- Да какая же это полцена, ежели, к примеру, кобыленке боле годов, чем нам с тобой? Молись богу!

- Что зря толковать, - рассеянно возражал Корней.

Тут-то и пришел Талдыкин, здоровый, толстый мещанин с физиономией мопса: блестящие, злые черные глаза, форма носа, скулы, - все напоминало в нем эту собачью породу.

- Что за шум, а драки нету? - сказал он, входя и улыбаясь, если только можно назвать улыбкой раздувание ноздрей.

Он подошел к лошади, остановился и долго равнодушно молчал, глядя на нее. Потом повернулся, небрежно сказал товарищам: "Поскорейча, ехать время, я на выгоне дождю", - и пошел к воротам.

Корней нерешительно окликнул:

- Что же не глянул лошадь-то!

Талдыкин остановился.

- Долгого взгляда не стоит, - сказал он.

- Да ты поди, побалакаем...

Талдыкин подошел и сделал ленивые глаза.

- Ну?

Он внезапно ударил лошадь под брюхо, дернул ее за хвост, пощупал под лопатками, понюхал руку и отошел.

- Плоха? - стараясь шутить, спросил Корней.

Талдыкин хмыкнул: